

*Татьяна Кошемчук
(Санкт-Петербург)*

О СТАТЬЕ С. А. ФРАНКА «ПУШКИН КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»

По первому впечатлению заданная тема кажется трудной и даже излишней именно в силу ее ясности, подталкивающей как будто лишь к добросовестному составлению реферата. Впрочем — пытаюсь наметить отправную точку — любое высказывание о Пушкине есть самооткровение, часто разоблачительное: ведь «на фоне Пушкина» дан автор. Франк же в этом испытании словом о Пушкине — нечастый, счастливый случай! — не разочаровывает. Статья вызывает удовлетворение, согласие; в ней собранный ма-

териал представлен добросовестно, осмыслен с явной симпатией. И... добавлю: с осторожностью, характерной для тонкого и «объективного» автора, который к весьма острым и непомерным в их взлете пушкинским темам обращает мысли аккуратные и умеренные. Причем таковы они именно в этой статье (в других «этюдах» о Пушкине больше вдохновения и полета). Основной тон здесь — изумление, сдержанное, нигде через край, и вызвано оно именно безмерностью пушкинской гениальности, ни-с-чем-не-сопоставимостью его идей. И вот — изумление передается, нечто задевает в мысли Франка, а высвеченная им пушкинская мысль, уже в ее собственной и неотразимой перспективе, уводит вдруг, неожиданно и непредусмотренно, к весьма отдаленным горизонтам.

И если любое сочинение есть покрывало, держащееся на остриях одной или нескольких мыслей, то первый укол: после Пушкина рус-

ская культура шла «по иным, *не-пушкинским* путям» [1, с. 25], с дефисом, усложняющим простое отрицание: пути эти вне-пушкинские, мимо-пушкинские. Духовная личность Пушкина была задана русскому человеку, мы все это помним, как возможность и предустановленная на *двести лет* цель, и этот уже истекающий срок выявляет пока — неспособность русской культуры ей соответствовать (исключения уникальны, но в них суть и залог). Франк прав: дело не в писаревских гримасах, а в неместимости пушкинской духовности для образованного слоя в целом. Отсюда и реакция — отрицание самого пушкинского духовного типа. И — пушкинской политической мысли. Здесь статья сужает поле своего обзора к заданному, чтобы нанести еще один укол в характеристике критической литературы о Пушкине: «нежелание честно сознаться в этом расхождении» [1, с. 26], боязнь выявить Пушкина как весьма для себя опасного — оппонента.

Здесь и формулируется задача статьи: «добросовестно и духовно свободно понимать и оценивать политическое мировоззрение Пушкина» [Там же]. Характерно при этом у Франка предупреждение: Пушкин может быть авторитетом лишь «в некоторых основных своих духовных мотивах» [Там же]. Так что поставленная задача не есть возвращение на пушкинские пути, но первый шаг: точное знание, каковы они, — «...хотя бы в порядке чистого исторического познания» [Там же, с. 27] — с еще одной острожной оговоркой. При том что Франк уверен: Пушкин — «величайший русский политический мыслитель» [Там же]. Этот минималистский призыв принять взгляды Пушкина в качестве лишь исторического явления, пусть и изумительного, — как ничто иное, говорит о действительной удаленности от пушкинских путей.

Особенно осторожно Франк касается самой рискованной ситуации (лакмусовая бумажка!) — речь идет о польском восстании: «как бы ни судить по существу о позиции Пушкина в этом вопросе...» [Там же, с. 40]. Что же, если судить, то с пушкинской же точки зрения — с точки зрения любви к России.

Любовь к России. Это еще одно острое место статьи Франка. Стоило бы сказать: если не любить Россию, то невозможно принять взгляды Пушкина в их целом и идти его путями. Словами Пушкина: у Вяземского и других «озлобленных людей, не любящих России» [Там же], больное место в том, что они «в оппозиции не к правительству, а к России» [Там же]. Это впрямую и о нашем времени: на поверхности русской культуры в основном люди, ее не любящие. И ответ им дан Пушкиным: презрение. Ибо у Пушкина «государственный патриотизм, боль и тревога за судьбу России, чувство национальной гордости и презрение к людям, чуждым этому чувству» [Там же, с. 42] — этими

чертами интонирована его душевная жизнь. Сквозь нее «просвечивает» и в ней «находит свое отражение» духовная глубина — так характеризует Франк [3, с. 119] духовный тип Пушкина: отчетливость различения духовного и душевного и пронизанность душевного — духовным. Духовная способность любви («благоволение ко всему») ни в коем случае не может исключить из своего всеобъемлющего сияния — родины, России; подобное было бы уродством. «Любовь к родному *пелищу*...» — как странно он сказал это, будто о нас.

Теперь, отсюда, о политических идеях Пушкина, «в высшей степени оригинальных, не укладывающихся в программу какой-либо партии XIX века» [1, с. 44]. Это действительно так — и далее те острия, изумляющие, на которых держится покрывало целого, — это именно пушкинские мысли. Оценку Франка можно разделить в полной мере: Пушкин один в своем времени, в очевидности — данной ему, в гениальности его мысли. И далее: рука ему будет протянута лишь из XX столетия, из самого духа немецкой культуры.

Франк описывает эту пушкинскую уникальность — через привычные политические термины. Во-первых, политический консерватизм — его Франк характеризует тремя чертами: убеждение, что историю творят избранные; тонкое чувство исторической традиции; забота о мирной непрерывности политического развития и отвращение к насильственным переворотам. Второе, несоединимое с принципом консерватизма, — требование «свободного культурного развития», «независимости личности». Франк говорит даже о своего рода «дуализме», «как бы дуализме» [Там же, с. 47] — государственного и личного. Но, пытаясь найти соединение, предлагает выход: «истинный консерватизм» [Там же, с. 53] или же, парадоксальнее, «консерватизм, проникнутый либеральными началами» [Там же, с. 44].

Что и говорить, выход неудачный. Мысль Пушкина в ином: каждая сфера жизни устроена по своим законам. Свободе место в сфере духовной, отсюда требование неприкосновенности личности, это и есть подлинная, единственно нужная и «лучшая» свобода. И здесь как раз никакого либерализма, который навязывает равенство и в этой области, где его быть не может. В сфере духа и творчества царит гений, здесь, по мысли Пушкина, «неравенство есть закон природы» [Там же, с. 45], а тиранство демократии омерзительно.

В сфере же государственной свобода для Пушкина лишь объект жесткой иронии. Он как монархист приемлет существующую политическую традицию, желая своей стране мирного и непрерывного развития — к монархии, основанной на законе (который выше монарха и перед которым все равны). Франк точно и полно характеризует отно-

шение к ней Пушкина, особенно отмечая противопоставление: близкий ему принцип сословной монархии, с одной стороны, и с другой — чуждые, отрицаемые демократический радикализм и цезаристский абсолютизм. И если у Пушкина сфера государственная и сфера духовная разделены и противопоставлены, то Франк невольно смешивает их. Так, он относит к консерватизму, соотносимому с политической жизнью, то, что стоило бы отнести к сфере духовной, — презрение к толпе и прославление гения. Выделяя у Пушкина важнейший тезис — «принцип духовной независимости личности, невмешательства государства в сферу духовной культуры» [1, с. 46], — Франк относит этот принцип ошибочно — к либерализму как таковому.

Именно в идее раздельности этих областей, в требовании невмешательства государства в духовную жизнь личности и заключается уникальность пушкинской позиции. Из этой важнейшей интуиции вытекает многое у Пушкина, например отмеченное Франком пушкинское приятие цензуры: она относится к сфере государственной и в ней правомерна. Но «эстетическая и моральная опека» [Там же, с. 47] — омерзительна, ибо касается личной духовности, не терпящей государственного насилия. Требование же прочного правопорядка (сфера государственного), вопреки Франку, не вырастает у Пушкина из требования неприкосновенности личности (сфера духовного). Пушкинский пафос личной свободы вряд ли рождается из ощущения собственной гениальности, но просто вытекает из точно постигаемой сути вещей.

Итак, раздельное у Пушкина смешивается Франком в неудавшейся попытке прояснения этой странной и притягательной самобытности. И именно там, где Пушкин как политический мыслитель не вполне принят Франком, он оказывается своим в немецком, современном Франку XX столетия, в духовном течении, называемом антропософией, давшем важнейший принцип: социальная тройственность, трехчленность. Принцип раздельности политической, духовной, экономической сфер, их независимое, по собственным законам, существование — Пушкин, без сомнения, узнал бы в этих идеях свое, свою тему, которая может быть выражена, например, и в «бессмертной аллегории "лебедя", "щуки" и "рака", невообразимо бессмысленное взаимодействие которых уже подтолкнуло "воз" человечества на самый край пропасти. Виданное ли дело, когда "щука" государственности подчиняет диктату собственным "щучьим велениям" как "лебедя" духовности, так и "рака" экономики! Или когда "рак" экономики контролирует сферу "щучьих велений" и заказывает "лебединые песни"! Или еще: когда "лебедь" пятится под страхом свернутой шеи в болото и начинает осиливать технику кваканья, а "рак"... только и тщится что догнать

и перегнуть!» [4, с. 408] — так обозначена одна из тем Рудольфа Штейнера в неотразимой и легкой, по-пушкински, вариации К. А. Свасьяна. В первоисточнике — о свободе, равенстве и братстве, несоединимых очевидно в одном централизованном организме, но возможных в разных областях жизни: «Совместная деятельность людей в экономической сфере... может стать реальным воплощением братства. <...> В области права, имеющего дело... с отношениями человека к человеку, найдет свое реальное воплощение идея равенства. И наконец, область духовной жизни, получившая в социальном организме известную автономию, может стать реальным воплощением свободы» [5, с. 80–81].

Смещение разных уровней в жизни государства — эта нестерпимая для Пушкина реальность окружающей жизни им осмыслена как источник многих бед, и его уникальная интуиция, она же есть сама суть позиции Пушкина как политического мыслителя, интуиция, опережающая свое время, обрела исчерпывающее выражение столетие спустя и еще ждет в будущем своего воплощения. Франк же в подходе к политическим идеям Пушкина, утверждая его гениальную способность к «синтетическому, примиряющему противоположности восприятию» [2, с. 106], ищет синтеза. Соединение было возможно в иной ситуации, например: *либо* западническое утверждение ценности европейской культуры для России, *либо* преданность своему родному и исконному — здесь у Пушкина обнаруживается мысль высшая, сопрягающая и превосходящая противоположные позиции современников в утверждении «особого служения России задачам европейско-христианской культуры» [Там же, с. 105]. Таким же образом, однако, не получается соединения в политической сфере — без искажения пушкинских идей. Но велика значимость статей Франка о Пушкине, где он убедительнейше доказывает: в самых разных областях мысли Пушкину были даны великие прозрения, «совершенно оригинальные», «открывающие новые, более широкие духовные и философско-исторические перспективы» [3, с. 106].

Список литературы

1. Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Этюды о Пушкине. СПб., 1998.
2. Франк С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Этюды о Пушкине. СПб., 1998.
3. Франк С. Л. Светлая печаль // Этюды о Пушкине. СПб., 1998.
4. Свасьян К. А. Предотвратимая катастрофа // Растождествления. М., 2006.
5. Штейнер Р. Основные черты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего. Ереван, 1992.